

Когда собираешься брать у кого-то интервью, особенно, если человека знаешь уже не первый год, всегда хочется спросить что-то новое, о чем не знал раньше. Тем более у журналиста – а тот, кто берет интервью, всегда немножко журналист – есть явное преимущество: он может задавать любые вопросы, на которые не всегда решится коллега или знакомый. И это правильно, ведь не просто так любопытствует, а для людей старается. А у беседы, которую мы представляем сегодня нашим читателям, есть еще одна особенность — перед встречей со Светланой Степановной Дедюлей, заслуженным работником культуры, директором Брянской областной научной универсальной библиотеки им. Ф. И. Тютчева, вице-президентом РБА, были собраны вопросы к ней от разных людей, среди которых читатели и друзья библиотеки, коллеги Светланы Степановны. Читайте и знакомьтесь. А те, кто давно знаком, надеемся, тоже узнают что-то интересное для себя.

Отдавай — и, дрожа, не тянись за возвратом. Все сердца открываются этим ключом.

Саша Черный

— Светлана Степановна, Вы много лет руководите нашей библиотекой. А до этого — и тоже не один год – в ней работали. Первый вопрос напрашивается сам собой: почему именно библиотека? Вы могли пойти учиться в любое другое заведение, стать учителем, врачом, инженером, но Вы пошли в библиотеку. Выбрали не самый простой всё-таки путь. Потому что, как сказал один из моих знакомых, библиотекарями изначально работали всегда мужчины, потому что профессия тяжёлая. Это мужская профессия, но вы всё-таки выбрали её. Почему?

— *Чисто случайно. Потому что после окончания школы, наслушавшись и начитавшись книг, я мечтала быть юристом, конкретно – следователем. Я дважды поступала в Могилёвский государственный университет, дважды не проходила конкурс. На третий раз я решила уже не испытывать судьбу, поехала в Белорусский пединститут, и там специализация была «История и иностранный язык». Историю я сдала хорошо, потому что окончила школу на «хорошо» и «отлично» и у меня была похвальная грамота по двум предметам — истории и литературе. Тогда ещё давали такие похвальные грамоты. Так вот историю я сдала хорошо, а иностранный еле вытянула на тройку, потому что два года не занималась, только перед сдачей. Помню как сейчас, преподаватель сказала мне такую вещь: «Деточка, ты, конечно, поступишь, но тебе будет очень тяжело учиться. Твои знания уже ушли». У меня было 2 года педагогического стажа, а при этом можно было сдать все вступительные экзамены даже на тройки и поступить. То есть я шла вне конкурса. Оставались сочинение и литература. В литературе я была более уверена и сочинение тоже*

могла написать тогда. Слабым звеном был иностранный язык, немецкий. Там нужна была постоянная зубрёжка.

Я вышла и сразу забрала документы. Но забрать документы – это одно, а домой возвратиться надо было с чем-то. Я села на автобус, который назывался «Минск-Могилёв», приехала в Могилёв и первое, куда я отправилась, — это Могилёвский библиотечный техникум, не училище, а именно техникум. Промежуточное заведение между училищем и институтом. Когда я отдала свои документы, они мне сказали, что я зачислена. Потому что по литературе и истории, которые надо было сдавать, у меня были похвальные грамоты.

Приехала домой полурадостная, полусчастливая, но с глубоким трепетом перед родителями, поскольку они меня отправляли в Минск, в пединститут поступать, а я приехала поступившей в библиотечный техникум в Могилёве. Собственно, вот так всё и произошло.

Мама, конечно, была ужасно расстроена. Отец ничего, по-моему, не сказал, но мама была в шоке.

— Мама хотела, что бы Вы стали учителем?

— Да, наверное. Потому что она сама работала в школе техническим работником, и когда я не поступила, то она меня пристроила в сельскую школу воспитательницей группы продлённого дня. Я справлялась и ещё параллельно какие-то другие вещи делала. Всё было очень даже продумано и логично в то хорошее советское время.

— Ну да. Можно было набрать баллы, как бы сейчас сказали, и работали социальные лифты.

Светлана Степановна, раз уже заговорили о родителях, вопрос от нашего библиотечного друга, партнёра Татьяны Григорьевны Жуковой: «Как отец повлиял на формирование Вашего мировоззрения? Какие у Вас были с ним отношения?» Она много раз слышала, как Вы говорите о своем папе — с трепетом, восхищением, уважением.

— *Очень хороший вопрос. Брак с моей мамой был вторым у моего отца, первая его жена умерла. Они были вместе в партизанском отряде. И хотя он никогда не говорил о войне, никогда, и я практически ничего не знаю и ничего не слышала, но если сопоставить его короткие рассказы, получается так: немцы загнали их в болото, решили ликвидировать известный в Беларуси партизанский отряд. Они там пролежали 5 дней, был март месяц, шевелиться было нельзя, в итоге жена его первая заболела туберкулёзом и умерла. После войны они успели родить двух моих старших сестёр: Аню и Валю. Аня 1946 года рождения, Валя — 1948 года. Когда война закончилась, то его, молодого человека, не забрали в действующую армию, а оставили восстанавливать народное хозяйство. Отправили в соседнюю деревню Степановку, где я позже и родилась. Лет 5–7 отец был председателем колхоза. Когда мама моих сестёр Лена умерла, мои родители поженились. Родилась я в 1956 году, в 1959 году родился брат, и семья переехала в районный*

центр. Тогда создавались МТС, отец работающий был человек, образование у него было соответствующее, в документах было много корочек.

И мои первые воспоминания, когда мы приехали туда: нам дали дом, горит печь с ярким огнём, на двери висит покрывало (в Белоруссии это называли «постилка», домотканая такая, жёсткая), и мама с маленьким братиком на руках, он грудничок ещё. Старших сестёр забрали от бабушки, до этого они жили у неё.

Старшая сестра говорила, что в это время квартира, которую нам выделили, приводилась в порядок, потом переехали в неё.

Отец человек такой... я не знаю почему, но мама всегда говорила: «Света, батька тебя боится». Он никогда меня не ударил, не помню, попадало ли моему брату, ему больше попадало от меня, потому что я его воспитывала, он же на 3 года младше, я его строила по своим понятиям. Отец детей даже не шлёпал никогда.

Помню единственный раз, страшное событие в моей жизни, ему пришла поздравительная открытка из военкомата 23-го февраля, и я на этой открытке написала ругательное слово. Потом сообразила, что я сделала, и вместо того, чтобы эту открытку не показать, я решила спрятаться на чердаке. Залезла на чердак, села около тёплой трубы и слышу всё, что происходит в доме. Приехала старшая сестра на праздничные дни, и они ей говорят: «Что-то Светы долго нет». Везде меня стали искать, потому Аня, моя вторая сестра, говорит: «Может быть, она на чердаке. Надо проверить чердак». А я не спускаюсь, боюсь, они меня оттуда вытащили, и это был единственный раз, когда отец ударил меня солдатским ремнём. Но самое страшное наказание было другое – он положил меня спать рядом с собой, я всю ночь не спала, боялась шелохнуться от страха и ужаса, что я натворила.

Поэтому, что касается каких-то воспитательных вещей, это было само собой разумеющиеся: смотрели на родителей, как они поступают. В школе говорили, что хорошо, а что плохо: нельзя предавать, воровать и т. д. Мы были самостоятельными, родители работали очень много, тяжело было четверых детей поднимать.

Я знаю, что во многих семьях сводные дети не дружили, у нас наоборот. Мои сёстры маму приняли как маму и называли её «мама», и она разделений никаких не делала между нами и ими. Дети моих сестёр звали её бабушкой, приезжали в гости. Была хорошая, крепкая семья.

Я знаю, что в войну отец был подрывником, было подорвано 7 или 8 эшелонов, и когда я приехала в Брянск, Яков Дмитриевич Соколов нашёл статью, где было упоминание об этом партизанском отряде им. Гастелло, и говорит: «Светлана Степановна, раньше за это могли представить к Герою Советского Союза». У мальчишки, ему было 17 лет, был орден Красной Звезды, две медали «За отвагу» и две медали «За боевые заслуги».

— Для партизана это вообще немыслимо.

— Да. Это сохранилось, орденская книжка сохранилась.

Я помню свою обиду, ужасную до сих пор, когда только стали отмечать День Победы, нас, школьников, вывели на парад. Это было, наверное, в 1965 году, может, не в 1965-ом, может, чуть позже, тогда только стали проводить парадные шествия. Мы стояли, как обычно школьники стоят с цветами, и я смотрю, папа идёт в колонне вместе со всеми, у него надеты медали и планочки. Сзади меня стоит один из жителей. Ну, все же тут в районном центре, это небольшой городок, друг друга знали практически, и говорит: «О, смотри, Дедюля нацепил медали, интересно, когда это он успел», — типа того, что он не воевал. А он единственный партизан в деревне был, огромная деревня, она и сейчас большая, но тогда было 300 домов, 300 – это очень большая деревня. Мы когда с братом ходили к бабушке, то идём-идём, идём-идём... Нам казалось, так долго. Это действительно очень большая деревня, и отец был единственный, кто ушёл в партизаны. Как только пришли немцы, все мужчины, которые остались и их не забрали в армию действующую, они все ушли в полицаи. Это было очень тяжело и страшно.

У бабушки всегда был тремор головы, я не знала из-за чего, только потом узнала от старшей сестры, видимо, бабушка ей рассказала. Они все там родственники друг другу. Папа ещё мальчик, ему 18–19 лет, очень есть хотелось, голодно, холодно было. Пришёл как-то домой, сидел в кукурузе, в огороде, увидел, что идут полицаи, и остался сидеть, думает: «Ну, уйдут, к маме зайду». Они её вывели, подвели к стене амбара и поставили на расстрел, а расстрелять не смогли. Когда я приезжала, видела, что там остались следы от пуль. От ужаса, от нервного стресса стала трястись голова. Они приходили, всё время говорили, чтобы она уговорила его сдаться. Но он не сдался.

— Наверное, если говорить о воспитании, то это и есть то самое воспитание: когда родители живут так, как живут, и считают это нормальным. И подвиг считается тоже нормальным.

— Он был очень трудолюбив. Я вспоминаю, работал обыкновенным рабочим на стройке, но у нас в доме было всё. У одних из первых появились стиральная машина, холодильник, это дефициты были. Появилась хорошая мебель: шкаф, буфет, это был признак добротной жизни. Он купил себе мотоцикл. Я просто понимаю, что это были немыслимые деньги тогда, это было сложно купить, но тем не менее, в доме было всё. Стоило мне сказать, что было бы хорошо, если бы в доме был телефон... Что такое телефон в советское время?

— Это роскошь.

— К нам пришли и поставили телефон.

— Я просто помню, как в квартире у бабушки с дедушкой стоял телефон, потому что он был один, наверное, на всей улице. Его поставили, так как дедушка был ветераном войны.

— Вот! Я не знаю, как он это сделал. Потом появился газ и газовая плита.

Я грибник заядлый, но в наших лесах, сосновых, а в смешанном лесу я теряюсь. Отец меня приучил, вставал в 5 утра летом, даже, может быть, не в 5, а в 4, рано же рассветало. Будил меня, сажал на мотоцикл сзади, и мы ехали. Приезжал и вперёд мчался, только кричал, где я, чтоб меня не потерять. А я иду за ним и собираю все его грибы, он возвращается, а у него такая же кошёлка полная, как и у меня.

Он был заядлый рыбак, так любил ловить рыбу. А я рыбу не люблю, очень обижался.

Какие-то такие моменты я помню.

Когда уже окончила техникум, работала первый год и сказала, что хорошо бы иметь шубу. Шубы натуральные были на тот момент большой редкостью, чаще искусственные, но они тоже стоили недёшево. И вдруг мама звонит и говорит: «Папа приедет и привезёт тебе деньги на шубу».

Были моменты, которые в душу ему западали, старшие сёстры самостоятельные уже были, они уже не жили с нами.

— А здесь двое маленьких.

— Да. Брат мечтал быть военным и поступил. Может быть, отец привил это. Точно так же 2 года поступал после школы и не поступил, поступил только после армии. Служил в войсках в Германии. Сколько было счастья у родителей и гордости.

Когда я окончила техникум, не помню, как он отнёсся к этому. Мама очень переживала, ей это не нравилось, я так понимаю. Ещё больше ей не понравилось, когда мы отработали с Галиной Ивановной (Кукатовой – О. Г.) год в Дзержинске (под Минском), и я уехала в Брянск, не известив их.

Ни квартиры, ничего, перспектив особо каких-то не было. Я им написала письмо, что я переехала жить в Брянск. Проявила самостоятельность, всегда была самостоятельным человеком.

Я помню единственное гневное письмо отца. Все родительские письма я храню. Он написал мне, что я всё сделала неправильно, лучше бы пошла работать в колхоз дояркой, работала бы хорошо, заслужила орден, и меня бы все уважали. И когда я получила звание «Заслуженный работник культуры», я ему сказала: «Пап, я не работаю дояркой, но государственная награда у меня есть. Ты можешь мной гордиться».

— Понятно, как воспитывали.

— Специально не воспитывали, это было как само собой разумеющееся. Воспитывала больше школа, учителя. Просто сейчас всё по-другому.

— Нет, если есть родители, которым надо доказать, что ты можешь, что ты чего-то стоишь, что ты состоялся, это имеет большое значение.

— Не было цели доказать. Помню такую вещь родительскую, был 9 класс, вечера в школе делали, и за мной зашли мои одноклассницы. Мама сказала папе, что за мной зашли, все одеты хорошо, а я плохо. Того у меня нет, этого. Он получил зарплату, они пошли с мамой в магазин. Как сейчас помню: идёт урок по труду, он заходит такой счастливый и радостный, несёт коробку с сапогами. Мне так стыдно стало, урок идёт, а он заходит.

Я пришла домой, они купили мне брючный чешский костюм, сапоги зимние и часы. Потратили на меня все деньги.

— Понятно, что родители, конечно, всех любили.

— Старшая сестра приехала зимой, у неё тоже ничего не было, училась в сельскохозяйственном техникуме в Витебской области, приехала в резиновых сапожках. Мама в шоке, она пошла в магазин, попросила один сапог померить, зная, что один сапог никому не продадут. Сестре они подошли, и их купили. Было тяжело, сложно, но выросли, я считаю, хорошими людьми. Брата, к сожалению, уже нет 20 лет, рано умер.

— Светлана Степановна, мы все Вас знаем здесь, в библиотеке, знаем, что Вы любите читать, много читаете, любите музыку, живопись. Но ведь явно есть собственный мир, совсем другой, домашний, а еще есть мир путешественника. Расскажите, какие у Вас есть увлечения вне библиотеки? Может быть коллекционирование, путешествия. Что Вас увлекает больше книжного мира?

— Конечно, когда есть возможность побывать где-то, это в первую очередь. Но я хочу сказать, что даже в то советское время, когда у нас вообще не было возможности никуда поехать, всё равно ездили.

Что касается дома, с возрастом я стала больше домоседкой. Когда есть возможность где-то поучаствовать, это однозначно, да. Но сейчас я сделала свой дом таким, каким он мне очень нравится. И он нравится мне настолько, что всё в нём родное и близкое, что мне хочется больше находиться в нём.

Мне очень нравятся дизайнерские моменты, я не накладываю их полностью на свой дом, но я стараюсь следить за современными тенденциями. Не только в плане одежды и каких-то вещей, но и в плане того, как можно себя обустроить в малюсенькой квартире, условно, 30 м² на всё. Я стала замечать, что когда ко мне приходят работники, которых я приглашаю что-то сделать, то они застывают у меня на пороге, потому что им привычнее видеть огромные дома. В старых домах одни квартиры, в новых – другие. А тут, я считаю, я сложила воедино старый дом и новые условия, это первое, второе: я не могу надолго впасть в уныние, как и птица Феникс. Даже если я упала, стоит чуть-чуть коснуться дна, сразу говорю: «Я не сдамся, меня так просто не возьмёшь», — делаю резкий вдох, толчок от того падения... и всё, вижу, что мир удивителен и прекрасен, всё ещё впереди. Я стала замечать за собой такую вещь, что если я чего-то сильно хочу, это обязательно сбывается. Самое главное — это сильно

захотеть. Оно может идти параллельно, могу забыть про это, но всё равно оно сбудется, я чётко это знаю.

Я не ставлю себе невыполнимых целей. На сегодняшний день меня всё в моей жизни устраивает. Устраивает моя работа, спасибо Господу, что он меня направил туда, куда мне надо было прийти, она мне нравится. Меня устраивает круг общения. В другой профессии я бы не познала столько всего. Я стараюсь разделять то, что я имею, со своим коллективом. Если я еду на Крымскую конференцию, едут и другие. Многие директора ездили сами, я так не могла поступить.

— Крымские конференции они вспоминают много лет.

— *Я стараюсь, чтобы всё, что знаю я, могли узнать ещё и другие. Понимаете, я человек отдающий, и чем больше я отдаю, тем больше мне возвращается.*

Светлана Степановна, раз мы уже заговорили о профессиональной сфере, тихо уйдя от увлечений, вопрос от Вашего друга, коллеги, Г. И. Кукатовой: «Какое самое яркое профессиональное событие Вы запомнили в своей жизни?» На данный момент.

— *Самое яркое... Боже мой, было столько ярких. Наверное, это будет несколько банально, как ни странно, но это – Российская библиотечная ассоциация. Самое сильное потрясение в моей жизни, и ещё никто нас в этом не переплюнул. Объясняю, почему: потому что именно к нам приехал председатель государственной Думы Борис Грызлов, приветствовал библиотечное сообщество.*

Я помню своё умопомрачительное состояние на сцене театра нашего, когда он присутствовал на пленарном заседании, и зал слушал, затаив дыхание. Нам подарили планетарный сканер, таких тогда не было ещё в федеральных библиотеках, все просто ахнули.

Это к тому, что нужно мечтать и мечты сбываются.

Галина Ивановна когда-то увидела прайс-лист и говорит: «Вот бы нам такой сканер». Это были 2000-е годы, это вообще было невыполнимо. Когда мне сказали, что будет Грызлов, и спросили о подарке, первое, что мне пришло в голову, — это планетарный сканер. Все возмутились, когда узнали его цену.

Ещё одно из ярких впечатлений – это то, что мы с губернатором Юрием Евгеньевичем Лодкиным побывали на Камчатке. Ярчайшее впечатление от конференции под эгидой ЮНЕСКО, статус наш сразу возрос.

Открытие наших иностранных залов: немецкого, американского.

Но, наверное, все же два таких события: Камчатка и Российская библиотечная ассоциация.

— Вы человек серьёзный, Российская библиотечная ассоциация, поездки, профессиональные серьёзные события. Вы вице-президент РБА, Вас знает вся

библиотечная Россия. Но мы часто идём по улице, идут навстречу, особенно в нашем городе, хмурые, грустные, серьёзные. Очень часто видишь женщин, которые смотрят куда-то в землю, где-то в своих мыслях. Обратишься, могут нагрубить. А Вы человек с замечательной улыбкой. Скажите, что в хмурый день или в плохом настроении может вызвать Вашу улыбку? Заставить улыбнуться просто так.

— *Человек, который идёт и улыбается так же, как и я. Стала замечать за собой некоторую сентиментальность, и эта сентиментальность иногда срывает. Вот стоит молодая женщина, и у неё такое выражение лица грустное, я подхожу к ней и говорю: «Какая у Вас красивая причёска». Она, может, и шарахнет от меня, но сразу человек другой.*

Это раньше мы могли улыбаться друг другу, были более открыты, радушны. Сейчас как-то всё это ушло, но такие вот вещи поднимают настроение.

Мне всегда приятно видеть людей, которые идут с животными, это сразу располагает, понимаешь, что это люди хорошие. От них не будет какой-то жестокости или подлости, за редким исключением. Люди увлечённые, интересные также вызывают улыбку.

— То есть чья-то улыбка или желание у кого-то вызвать улыбку.

— *Да, я вообще человек-солнце. По знаку Зодиака я Лев, звезда моя — это Солнце. В солнечный день у меня прилив бодрости, сил и энергии. В пасмурный день я стараюсь надеть яркую одежду. Хотя многие в моём возрасте скажут: «Ну, куда тебе яркая одежда?», — а мне хочется, чтобы не было совсем мрачно.*

— Я тоже заметила, что если в 18–20 лет мне нравилось серенькое и чёрненькое, то сейчас я не хочу это носить.

— *Да, надо, чтобы жизнь была во всех её красках и проявлениях. Моя старшая сестра, которой 74 года, говорит: «Света, а жизнь такая хорошая, и жить так хочется, со всеми её проблемами, болезнями и прочим». И она права.*

— Светлана Степановна, вот мы уже почти подошли к ответу на следующий вопрос, который я хотела Вам задать. Вы умеете стильно одеваться, любите аксессуары, украшения, сумки, туфли, перчатки, красивую причёску. Скажите, какой Ваш образ нравится Вам больше всего? Какая одежда, стиль, из чего складывается образ?

— *Самое удивительное, откуда это пошло. Когда я пришла работать в библиотеку, были две удивительные женщины, мне нравилось, как они одевались: элегантно, спокойно, и мне хотелось так же, чтобы это было модно, современно.*

Потом, со временем, когда я стала директором библиотеки, я поняла для себя такую вещь, совершенно простую: на сегодняшний день я — лицо областной

библиотеки, не только областной библиотеки, а всего библиотечного сообщества. Я не хочу, чтобы библиотечных работников воспринимали серыми, забитыми тётками, в тапках и вязаных шалях. Поскольку я знаю, кто работает в библиотеках, как они могут выглядеть, какие они умницы, красавицы, не хочу, чтобы их воспринимали так. Хочу, чтобы библиотечного работника воспринимали как умного, воспитанного, доброжелательного, хорошо одетого.

— Я помню, когда знакомая пришла к нам в Краеведческий музей, ещё до ремонта, сказала: «Боже, как к вам приходите, все какие-то страшные, серые, а вот в библиотеку приходишь, там все нарядные ходят, красивые». Казалось бы, что отличает музей от библиотеки. Музеи тоже работают постоянно с людьми, но почему-то вот так. В музее ты не должен быть ярче экспонатов, не должен их собой перекрывать. Экскурсовод не должен быть ярче того, о чём рассказывает. А здесь, видимо, можно.

— *У нас как-то традиционно так пошло, даже библиотекари из районов приезжают, смотрят, берут с нас пример. Не хочется, чтобы библиотекаря воспринимали как человека вчерашнего дня, хочется, чтобы он был начитанный, умный, модный, стильный.*

Вот пример, была у доктора зубного, естественно, там сидишь в одной позе, разговариваешь мало, но некоторые вещи я всё-таки комментировала. На третий день он спросил, кем я работаю. Я ответила: «Библиотекарем», — он очень удивился.

— Светлана Степановна, Вы любите обычную, нормальную еду: малосольные огурцы, сало, сладкое. А что Вы любите готовить? Какой кулинарный шедевр запомнился и стал визитной карточкой?

— *Я действительно люблю еду простую, ту еду, которую готовила мама. Я думаю, у каждого человека это самая вкусная еда. Моя визитная карточка – это два блюда: пирог «Чудо» и селёдка под шубой.*

Пирог очень долго делается, очень вкусный. Я дважды делала его на свой День Рождения, когда я работала в методическом отделе. Коллеги, которые тогда работали, до сих пор его помнят. Пирог фантастический.

Когда мы все собираемся или какие-то торжества, я делаю селёдку под шубой, и все отмечают, что вкус неповторим. Когда-то приехала ко мне приятельница из Новороссийска, мы сделали оливье и селёдку под шубой, и она сказала: «Света, это бомба». А суть в чём: я просто не жалею селёдки, делаю минимум других слоёв, мало майонеза.

— И снова возвращаемся к серьезным вещам. Когда мы готовили вопросы Вам, я решила, что надо опросить наших друзей из разных областей знаний и творчества. Вопросы от очень разных людей. Владимир Петрович Алексеев: «Какие чувства Вы испытываете к своей малой Родине, к тому месту, где Вы родились?» У него два вопроса, второй ещё интереснее.

— Вы знаете, до 2018 года у меня было практически раздвоение личности. Когда меня спрашивают, куда я еду, я отвечаю «домой», хотя дома уже фактически там нет. И только в 2018 году после очередной поездки я поняла, что еду сюда домой.

На сегодняшний день я безмерно люблю свою память, переживаю. Смотрю канал «Беларусь 24», жалею, что не смотрела до этого. Столько всего познавательного о Белоруссии. И думаешь: «Боже мой, почему столько времени я замыкалась только на работе?» А ведь столько всего удивительного и хорошего на моей любимой Родине происходит.

— Владимир Петрович задал ещё один вопрос, совершенно не связанный с первым: «У Вас есть домашняя библиотека? Вам не надоели книги за все эти годы?»

— У меня есть домашняя библиотека, но она небольшая. Я её почистила основательно, убрала то, что когда-то собиралось, оставила только самое любимое. В ней осталось только то, с чем мне не хочется расставаться никогда.

— Наверное, это всё-таки больше русская литература?

— Да, конечно. Там есть небольшая часть зарубежной классики. То, что я читала ещё в школе, таскала у старшей сестры. Жорж Санд «Консуэло», это было первое серьёзное произведение, которое я прочла. Ещё не вернулась к нему, чтобы прочитать в зрелом возрасте, но обязательно это сделаю, когда буду свободна.

— Понятно. От замечательного художника Михаила Сергеевича Решетнёва: «Как Вам удаётся сохранять доброту и тёплые отношения после стольких лет работы руководителем и самой оставаться при этом красивой и привлекательной женщиной?»

— Я для себя усвоила одну истину: я отношусь к людям так, как хочу, чтобы они относились ко мне. Чтобы в случае какой-то проблемы они помнили об этом и шли мне навстречу. А красивой оставаться помогает отсутствие зла в человеке.

— Ещё один практически профессиональный вопрос от Владимира Евгеньевича Сорочкина, руководителя Брянской областной общественной писательской организации Союза писателей России: «Как удаётся сохранять гармонию в таком большом коллективе?» У него коллектив очень противоречивый, творческий.

— Мне, наверное, просто повезло. Потому что в областной библиотеке работают только те люди, которым это интересно, те, кому это не интересно, они уже все ушли. Остались люди преданные, верные и глубоко порядочные.

Гармония сложилась сама собой, не думаю, что это я её сохраняю, её сохраняют сами сотрудники.

— Светлана Степановна, тут такой вопрос, который я зачитаю дословно: «Уважаемая Светлана Степановна, мы хорошо знаем, что Вы с большим уважением относитесь к профессиональным музыкантам. Именно благодаря Вам библиотека им. Ф. И. Тютчева в последние годы стала центром, в том числе и музыкальной культуры Брянска. А как Ваши личные взаимоотношения с музыкой? Учились ли Вы ей, играли на каком-нибудь инструменте?» Спрашивает Владимир Игоревич Дубинин.

— Я, к сожалению, не училась, очень жалела, что родители не имели возможности отдать нас в музыкальную школу, хотя мой брат – самоучка, ходил на курсы при музыкальной школе и играл на трубе.

Очень люблю музыку, особенно классическую. Есть классика, которую понимают только музыканты, а есть та, что больше для широкой аудитории. Я отношусь ко второй категории слушателей. Не люблю рок, хотя он тоже бывает разным: «Наутилус», когда они только начинали, мне очень нравился. Чуть позже с пониманием стала относиться к джазу. Современная поп-музыка больше не нравится, чем нравится.

Всегда поддерживала то, что библиотека — это не застывший организм: библиотечные мероприятия, книги и больше ничего, она центр культурной жизни города, региона.

Хотелось бы когда-нибудь объединить чтение произведений и видение музыкантов. Не знаю, получится или нет.

— Надо поговорить с Владимиром Игоревичем. Дать ему почитать «Брянские рассказы» Леонида Добычина, проиллюстрировать их музыкой. У нас уже есть девушка, которая проиллюстрировала рассказы картинками.

— *Я думаю, это было бы очень любопытно.*

— Светлана Степановна, вот такой вопрос: «Какая встреча стала самой важной в Вашей жизни?»

— Встреча с Галиной Ивановной Кукатовой. Мы познакомились с ней в техникуме, друг другу страшно не понравились, но поскольку мы поступали не после школы и у нас был определённый жизненный опыт, меня избрали комсоргом, а Галину Ивановну — старостой. Нам пришлось искать пути взаимодействия. Эта встреча самая главная в моей жизни, потому что фактически она меня сделала тем, кем я сейчас являюсь.

— Влияние односторонним не бывает, я думаю, что вы сделали друг друга.

— *Естественно.*

— Ещё один вопрос от нашего любимого всеми друга и партнёра, старого собачника Александра Михайловича Дубровского: «Как поживает Ваша собака?»

— *Наша собака поживает замечательно. Почему я говорю «наша» собака: мы утром с Рексом идём, гуляем, ему уже 10 лет, возрастной, солидный мальчик, 6:30 утра. Идёт мужчина и говорит: «Я его не боюсь, это библиотечная собака». Сколько лет прошло с того памятного сюжета, но многие помнят, что это библиотечная собака. У него очень хороший характер, позитивный настрой на жизнь, чувствует себя комфортно, дома у него есть свой телевизор: окно на Площадь партизан, банкетка специальная, пока я на работе, он не скучает.*

— Светлана Степановна, вопросов, конечно, много, и можно долго их задавать, они все очень разные. Но мне хотелось бы уже задать вопрос от себя и завершить наше интервью. У Вас в жизни было очень много интервью, кто только Вас не опрашивал по разным поводам. Скажите, какой самый нелепый вопрос Вам запомнился?

— *Сейчас скажу. Мне был задан вопрос: «А ты никогда не хотела уехать назад, в Белоруссию?» Я посчитала это некорректным, неправильным. Это было в то время, когда было тяжело везде и всюду. Нельзя сказать, что это нелепый вопрос, но я посчитала его некорректным.*

— Да, своеобразный подход. Думаю, это не самый некорректный вопрос от этого человека.

Светлана Степановна, спасибо большое за интервью, оно получилось немного похожим на покрывало из лоскутков, так как вопросы были от разных людей, но я думаю, определённый образ из него складывается. И я надеюсь, мы сумели немного рассказать о Вас нашим читателям.

Интервью брала Ольга Горелая